

Наталья КРАВЦОВА

пос. Домбаровский

Оренбургской области

ПРЕЖЕ

рассказ



Как рано темнеет зимой, и мороз к вечеру люютый. Впрочем, январь как январь... Крепценские морозы покрепче будут, тогда уж вовсе не захочется на улицу выходить.

Алька долго рассматривала торты за стеклянной витриной. Наконец выбрала медовый и, прихватив по пути две булки хлеба, пошла рассчитывать. «Для дня рождения достаточно. Ещё пирог испечём, как бабушка любила», – подумалось ей. У самого выхода из магазина замешкалась, пересчитала мелочь – как раз на две булочки с изюмом. Им с мамой хватит, а больше всё равно нет, – забрала последние. И так вдруг захотелось выпить тёплого молока со сдобой!

Чем ближе бабушкин день рождения, тем Альке становилось грустнее – совсем недавно не стало её – доброй, родной, бесконечно дорогой. Вот сейчас бы она нагрянула с покупками и подарком, бабуля затеяла бы ставить тесто на пироги, а с утра в доме пахло бы вкусностями и Алькиным детством. Они наготовили бы, накрыли на стол и ждали б маму с работы, а потом – праздновали, праздновали, праздновали. А ровно через неделю – день рождения Альки – бабушкин черёд придумать подарок и сказать главный тост в честь внучки. Какой трудный был год, високосный. Новый будет лучше. Непременно. Просто хуже уже некуда, им с мамой больше некого и нечего терять...

* * *

— Здравствуйте! – в магазин ввалился крепенький мужичок, до самых глаз замотанный в шарф, со смешно торчащими «ушками» потрепанной шапки-ушанки. Должно быть, только что их развязал, перед входом в магазин. Мужчина шумно отряхнул снег со старого полушубка, размотал вязаный шарф, ещё раз громко поздоровался. Его голос показался Альке знакомым. Это же Витечка!

– Здравствуй, Витя! – вежливо ответила продавец. – Замёрз?

– Замёрз! – Витечка обрадовался, что ему ответили, сдвинул шапку набок, освобождая ухо, после чего вынул из тряпичной сумки алюминиевый бидончик, протянул продав-

щице и принялся обстоятельно рассказывать, что кончились хлебушек и молоко, а иначе он бы не пошёл в магазин ночью.

— Лишь бы деньги не кончились, — еле слышно пробормотала продавец, зачерпывая из большого бидона жидкое, синеватого цвета молоко; наполнила Витин бидончик до самых краёв. — Крышку не забыл? Обрато аккуратно иди, не торопись, чтобы не поскользнуться, молоко не разлить.

— Витя не торопится. Витя не прольёт, — заверил Витечка не то добрую, участливую продавщицу, не то самого себя. Взял с прилавка буханку белого хлеба, скользнул взглядом по торгам, поискал глазами что-то ещё. Не увидев, вздохнул. Потянулся было за батоном, но брать не стал. Растерянно обернулся:

— Тётя Валя! Булочки где?

— Нет булок. Раскупили. Раньше надо было приходиться, днём.

Круглые навывкате Витины глаза погрузтели:

— Днём работал. Снег кидал. Много снега. Витя хочет булочку с молоком.

— Батон возьми. Без изюма, правда, но вкусный, — предложила продавщица.

Расстроенный покупатель помотал головой, зашептал что-то, достал кошелёк и передал его тёте Вале. Та высыпала монеты на прилавок, отсчитала сколько нужно, остальное сложила обратно и вернула Вите:

— Спрячь в карман поглубже. Не оброни свой кошель.

* * *

Алька топталась у выхода из магазина, дожидаясь, пока Витя рассчитается, положит хлеб в сумку, спрячет кошёлёк в карман штанов, поднимет воротник полушубка, поверх наматает шарф, опустит «ушки» шапки, завяжет их под подбородком, наденет рукавицы, попрощается с продавцом.

Тётя Валя, занятая уже с другим покупателем, кивает Витечке: знает, что иначе он не уйдёт, будет стоять и ждать, пока она ответит.

— Здравствуй, Витя, — Алька с трудом проговаривает первые слова. — Ты булочки хотел.

Возьми. Помяни мою бабушку, тётю Таню. Помнишь её?.. Почему ты здесь, Витечка? Где живёшь? С кем?

Витя в серой армейской шапке-ушанке ничего не слышит, но протянутые Алькой булочки берёт. Улыбается широко-широко. Оглядывается на продавщицу тётю Валю: видит ли она его счастье?

— Девочка, раз ты его знаешь, отведи домой, донеси молоко, — поручает Альке сердобольная продавец. — Он живёт недалеко, на первой улице от магазина, в бараке. Комнатку ему дали, как мать померла.

«Задразнят... — неожиданное беспокойство наваливается, бьётся в Алькиной голове, перекрывает дыхание. — Задразнят, если увидят!» И тут же приходит спасительная мысль, что Витечке в другую сторону и Альке делать круг ни к чему — вон какая темень на улице и мороз крепчает с каждой минутой... Но смалодушничать нельзя, бабушка бы этого не простила.

Так они и уходят: Алька — с тортом и молоком, Витя — нагруженный хлебом. Даже если свалится ненароком, ничего страшного не случится. Альку он не узнаёт, но принимает за старшую, послушно идёт рядом.

* * *

Дверь в его комнату не заперта. Витечка долго обметает веником снег с валенок, своих и Алькиных, развязывает шапку, снимает шарф, расстёгивает полушубок. Берёт, наконец, бидончик с молоком из Алькиных рук, поднимает глаза, силится её вспомнить. Не узнаёт. Сникает. Готов заплакать.

— Витечка, — ласково говорит Алька — именно так всегда разговаривала с Витей её бабушка. — Я внучка тёти Тани. Она жила на одной улице с твоей мамой.

— Мама, — круглое Витино лицо расплывается в добродушной улыбке. — Мама...

— Я давно тебя знаю, Витя. Ты ходил в магазин мимо нашего дома, всегда подходил к бабушке, здоровался. Ты хороший, вежливый. Помнишь тётю Таню?

— Витя — хороший, — соглашается Витечка. И это всё, что он понял из Алькиных слов.

А она всё не уходит. Ей надо это сказать, надо. Даже если он не поймёт. Будет ли другой случай повиниться? Неспроста всё это... В бабушкин день рождения Витечка тут как тут... через столько лет.

— Мы такие были дураки, — Алька запинается, глотая слёзы. — Играли с пацанами. Я у бабушки катушку стащила. Нитки белые. Сороковка. Через дорогу их натянули, как струны, привязали к заборам с обеих сторон, а ты попался. Мама твоя тогда заболела, и вам кто-то предложил парного молока, вечернего. Ты поэтому не как обычно днём шёл из магазина, а возвращался на велосипеде потемну. Бидончик с молоком дребезжал, на руль надетый. А тут мы с мальчишками...

Ты упал тогда с велика... Нитки-то порвались — никто и не понял, почему ты упал. Молоко разлилось посреди дороги. На молочную лужу сбежались собаки. Ты так плакал... В голос... Мальчишки спрятались, а я с тобой осталась. Ты большой парень, а я маленькая, четыре года. Тоже ревела. Бабушка вышла, тебя успокоила, помнишь? И мне слёзы утерла. Добрая она была. Зорькино молоко в твой бидончик налила, тёплое, только-только надоила и ещё не успела через сепаратор перепустить. Мы тебя тогда до дома проводили, молоко донесли, а ты велик за руль вёл. Нельзя по темноте ездить с молоком на руле. Но тебе очень нужно было для мамы, она болела.

— Мама нет, — вспоминает вдруг своё горе Ви-

течка. Но не плачет, а улыбается, на душе потеплело — мама его любила, всегда любила.

— Мама тебя любила, на то она и мама, — вздыхает Алька. — Умерла, и дом, наверно, продали, раз ты живёшь здесь. Есть ведь родственники, наследники, кроме тебя. Бабушка говорила, что божьего человека обижать — грех. Бог накажет. Прости нас, Витечка, если сможешь. Прости, пожалуйста. Помяни мою бабушку — тётю Таню. День рождения у неё завтра. Хочешь, я тебе половинку торта отрежу? Или весь оставлю. Он вкусный. Будешь есть всю неделю, по кусочку. Возьми, Витечка, торт. Ты, наверно, такой и не пробовал никогда.

— Торт, — улыбается Витя ласковому голосу и хорошему новому слову. — Торт...

— Ну, будь здоров! Я пойду. Припозднилась. Мама дома волнуется. До свидания, — прощается Алька и с лёгким сердцем шагает в темноту.

На улице морозно. Тяжело дышать. Она укутывает нос шарфом, надевает на голову капюшон, прикрывает лицо рукой в белой пушистой рукавичке. Бабушка когда-то связала для её вечно мёрзнущих пальцев. И ещё вторые — пуховые, внутрь.

— До свидания, мама! — несётся ей вслед громкий голос Вити.

Алька оборачивается. Дверь в барак не закрыта. На пороге своей комнатки стоит вечный взрослый мальчик, обнимающий коробку с тортом. Инопланетянин Витечка. Божий человек.

Хочешь замуж?

рассказ

Серёжка Максимов приходил в детсад первым. Отец, человек военный, с раннего детства приучал его к дисциплине. Просыпаясь от звона будильника, Серёжа без промедления вставал с кровати и одевался за несколько секунд. Его уже ждал папа, а папу ждала служба.

ДОС¹ находился в двух шагах от сада. Отец шёл к машине, которая увозила офицеров полка на аэродром, попутно заводил сына в садик. С неизменной улыбкой отдавал честь Антонине Васильевне — Тонечке — и, бодрый, подтя-

¹ ДОС — дом офицерского состава.

нутый (мечта незамужних воспитательниц), проходил несколько метров вдоль ограды, легко запрыгивал в кузов армейского грузовика и уезжал в свой полк.

Мальчишка отца любил и гордился им. Он будет таким же!

— Эх, Серёжа, повезло же твоей маме, вон какой у вас папа — герой, — улыбалась Тонечка. — И ты, наверно, завидным женихом вырастешь.

— Да! — легко соглашался с ней Серёжка. «Жених» был худощав, невысокого роста. Рыженький, с карими глазами и веснушками. Серьёзный такой парнишка четырёх с половиной лет.

Невеста у него уже была — Аля из их группы. Правда, она пока не знала о его намерениях, они просто дружили и не могли обходиться друг без друга. Сегодня предстояло объясниться, потому что папу переводили на Север и семья уезжала вместе с ним. Приказ был подписан и не обсуждался.

Мама сказала, что времени в запасе много, собрать вещи они успеют за день — в контейнер всё равно грузить нечего, и что Серёжа будет ходить в садик до самого отъезда. Это хорошо, у Альки есть время поговорить с родителями, ведь она тоже поедет с ним. Они поженятся. В её согласии сомнений не было.

«Конечно, — сказала девочка, выслушав друга, — поженемся. Я поговорю с мамой».

* * *

В этот вечер Алька пришла домой счастливая, но необычайно задумчивая. Как жить без Серёжки Максимова, она не представляла. Он — первый мальчик, который сказал, что она красивая. С ним интересно. Он столько всего знает! Он незаменимый, она всегда скучает, когда он болеет и не ходит в садик. Если Серёжка в саду, то ей больше никто не нужен. Им хорошо вдвоём.

Мама с утра затеяла обычную для весны уборку, побелила потолок и стены в спальне. Вечером они вместе вымыли окно и пол. Оставалось повесить шторы, и можно было присесть за стол для серьёзного разговора.

Лёлочка, младшая сестрёнка, спала в коляске в другой комнате. Папа ещё не пришел после работы. Самое время поговорить с мамой, она должна первой узнать Алькины новости.

— Мама, я выхожу замуж! За Серёжу Максимова! Еду с ним на Север, его папу переводят! А у тебя есть Лёля, я тебе не нужна! — выпалила Алька, едва мама присела передохнуть.

— Хорошо, езжай, — ответила мама и улыбнулась, — такими парнями не разбрасываются. И вы, наверно, друг друга любите. Только мне будет тебя не хватать. Лёля ещё совсем маленькая, с ней нужна твоя помощь. И остальные комнаты мы ещё не убрали, без тебя я не справлюсь. Но вы же не скоро уезжаете, ты успеешь мне помочь?

Алька согласно кивнула. Как хорошо, что родилась сестра, иначе вряд ли мама так легко бы её отпустила!

* * *

Серёжа в тот же вечер поговорил со своими папой и мамой. Выставил ультиматум: без Альки не поедет. Родители посоветовались и согласились взять Алю с собой на Север.

Дети были счастливы целый месяц. Мечтали, не могли наговориться.

«Там северное сияние! Там ночью светло! Там олени вместо коней! И ещё на собаках можно кататься по снегу!» — рассказывал «жених», повторяя папины слова. «Невеста» внимательно его слушала; о Севере и оленях она знала из сказки о Снежной королеве. Там холодно и не бывает лета...

В саду скоро прознали о предстоящей свадьбе и дразнились «тили-тили-тесто, жених да невеста». Завидовали, конечно. Серёжка дрался до тех пор, пока от их парочки не отстали.

В группе был ещё один Сергей, который нравился Альке. Жаль, что его с собой на Север не позовёшь, это женихов может быть много, а муж — только один.

Воспитательница Тонечка за детьми присматривала внимательнее обычного и считала, что в четыре года жениться рано, надо ещё подрасти. Смешная!

В конце мая их выпустили из средней группы и перевели в старшую. А потом наступило лето — влюблённых разлучили: Алю увезли в деревню к бабушке.

* * *

В том памятном мае у Альки случилась ещё одна любовь. По дороге из детского сада домой она встретила необыкновенного человека. На улице потеплело, и на лавочке возле своего двора сидели старик со старушкой.

Бабушку Алька не заметила, а вот от деда не могла отвести глаз, полюбила с первого взгляда. Это был Дед Мороз с длинной белой бородой и усами, только без красной шубы и шапки. Да и незачем ему шуба в такую теплынь. Они познакомились и подружились. Ну как Деду Морозу обойтись без внучки Снегурочки?

Дедушка каждый вечер встречал Альку из садика, называл «внученькой», вручал приготовленную для неё конфету. Девчонка мчалась ему навстречу, с ходу обнимала, забиралась на колени, ласково гладила бороду и усы, дарила столько любви, что, будь он настоящим Дедом Морозом, растаял бы в одночасье.

Старик ждал её и радовался до слёз неожиданно обрушившейся лавине искренней детской любви. Родных внуков у него не было, и Алька росла без родного деда, потому что он рано умер.

Мама обомлела, увидев однажды, как дочь обнимает в магазине незнакомого пожилого мужчину, а тот ей ласково улыбается и встаёт в очередь, чтобы купить конфеты. Пришлось отстоять очередь вместе с Алей и дедом Петей, принять угощение, благодарить и извиняться одновременно.

«Что ты, дочка, — успокоил старик Алькину маму, — за любовь не извиняются, ею награждают. У нас с внученькой любовь взаимная. Ты её не брани».

* * *

— **Б**абуль, я скоро уеду! Замуж выхожу за Серёжку Максимову, — едва переступив порог, доложила Алька свои новости бабушке, обнимая её, такую родную, тёплую, мягкую, такую красивую и нарядную.

Дочь и внучки приехали на всё лето. Бабушка встречала гостей в новом цветастом халате и белом, с голубыми узорами, платочке. Удивленно всплеснула руками, прижала к себе Альку:

— Что ж, придётся научить тебя готовить, шить, вязать. Будешь мне по хозяйству помогать, присматриваться. А то какая ж из тебя невеста? Не умеешь ничего. Враз разберутся и назад вернут.

Внучка согласно закивала:

— Учи! Буду! Не вернут!

Новости на этом не закончились.

— Бабушка, хочешь замуж? Хочешь или нет? — почему-то шёпотом спросила Алька. — Я с таким дедушкой познакомилась! Сказка! Мечта! Борода белая, длинная, мягкая-мягкая. И усы белые, совсем не колючие. Волосы белые, кудрявые под фуражкой. В карманах конфеты лежат для меня. Он красивый! Хороший! Добрый! Я его люблю! И он меня любит. А зовут его дедушка Петя. Давай его к себе жить возьмём?

— Это что ж, такой дед — и бесхозный? Жены у него случаев нет? — уточнила бабушка, сразу заподозрив, что о главном внучка недоговаривает.

— Есть. Но она старая, некрасивая. А ты у нас молодая. И дом у нас большой. И сад. Он сразу в тебя влюбится. Ну, можно и с женой забрать, если без неё не пойдёт...

Алька очень старалась, подбирая аргументы, надеясь, что бабуля поддастся на уговоры. Никогда и ни в чём ей отказа не было, но в этот раз бабушка только смеялась и качала головой:

— Нет уж, милая, спасибо, спасибо...

* * *

Пролетело Алькино лето. Весёлое, полное интересных событий, приключений и встреч. Случилось и расставание, только Аля о нём не знала. В сентябре Серёжи Максимова в саду не оказалось. Уезжая, он не смог отыскать свою невесту. Городской телефон не отвечал, сотовых тогда ещё не изобрели. Стучал в её дверь, но соседка сказала, что дома никого нет: папа уехал работать в спортивный лагерь, а Альку с мамой и младшей сестрой на всё лето отвёз к бабушке.

Дед Петя только руками развёл: у них с женой девочка не появлялась. Должно быть, гостит у родной бабушки в деревне, а в какой деревне — не знал.

— Давно не видел, скучаю по ней, — вздохнул дедушка.

— Нас переводят. Улетаем завтрашним бортом в другой гарнизон. В пять утра. На Север. Служба у нас такая. Но без Альки не полечу, сбегу ночью и спрячусь на чердаке. Она моя невеста, а я её не нашёл... — поделился Серёжа. Слёз не было: мужчины не плачут.

Поговорили по-мужски за калиткой, попрощались за руку. Дед Петя побег не одобрил:

— Ты вот что, внучек, послушай меня, старого солдата. Лети с семьёй, не подводи отца.

Дисциплина в армии — дело наипервейшее! Служите там, на Севере, но и нас не забывайте. Я присмотрю за твоей невестой, чтоб раньше времени замуж не выскочила. А ты, как сможешь, прилетай обратно. Будем тебя ждать.

Писать Сергей ещё не умел, поэтому передал через воспитательницу Тонечку рисунок для Альки: северное сияние вполнеба, олень с ветвистыми рогами, а на нём — девочка, ищущая среди снегов своего Кая, а может, его, Серёжку, живущего на Северах...

Наталья Николаевна КРАВЦОВА

родилась в пос. Домбаровский Оренбургской области.

Пишет рассказы, сказки, очерки.

Лауреат и победитель ряда литературных конкурсов, в числе которых «Ангелы-хранители нашего детства» (проект «Народная книга» издательства «АСТ», 2017),

«Радости и печали нашего детства»

(издательство «Сибирская Благовонница», 2019),

«Оренбургские таланты — 2015» и др.

Публиковалась в журналах «Волга XXI век»,

«Нижний Новгород», в альманахе «Земляки»,

в сборниках и других литературных изданиях.

В журнале «Север» публикуется впервые.

